

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ» В ОБЫЧНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. *

С.Ю. Краснов

Кафедра гражданского права и процесса
Волгоградский государственный университет
Университетский просп., 100, Волгоград, Россия, 400062

В современных условиях возрождения казачества в России, в особенности его традиционных форм территориального общественного самоуправления, большой интерес представляет обычно-правовое регулирование «отношений власти и подчинения» у донских казаков во второй половине XIX в. В данном случае речь идет об отношении донских казаков к своим станичным и хуторским атаманам и другим должностным лицам территориального общественного самоуправления, организации указанных органов и осуществлению ими своих полномочий, а также об ответственности этих органов перед станичным (сходом), то есть в конечном счете о самом понимании донскими казаками власти в указанный период времени. Без проведения реконструкции этих отношений, на наш взгляд, невозможно понять и правильно оценить роль и значение каждого органа территориального общественного самоуправления в Области войска Донского во второй половине XIX в.

Ключевые слова: обычное право, донские казаки, органы территориального общественного самоуправления.

В современных условиях возрождения казачества в России, в особенности его традиционных форм территориального общественного самоуправления, большой интерес представляет обычно-правовое регулирование «отношений власти и подчинения» у донских казаков во второй половине XIX в. В данном случае речь идет об отношении донских казаков к своим станичным и хуторским атаманам и другим должностным лицам территориального общественного самоуправления, организации указанных органов и осуществлению ими своих полномочий, а также об ответственности этих органов перед станичным (сходом), то есть в конечном счете о самом понимании донскими казаками власти в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века». Проект № 11-13-34009а/В.

указанный период времени. Без проведения реконструкции этих отношений, на наш взгляд, невозможно понять и правильно оценить роль и значение каждого органа территориального общественного самоуправления в Области войска Донского во второй половине XIX в.

Сложность проведения данной реконструкции заключается в том, что, являясь по своей природе публичными, эти отношения в наибольшей степени регулировались официальным законодательством, подтверждением чему могут служить, в частности, «Положение об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г., «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» от 13 мая 1870 г. и «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 г. [24; 25; 26]. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос о том, распространяется ли раскрытый нами ранее механизм действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в. на «отношения власти и подчинения» полностью или только частично, то есть с учетом особенностей природы этих отношений как публично-правовых [15]. Ответом на этот очень сложный вопрос, на наш взгляд, и будет являться реконструкция господствовавших во второй половине XIX в. в станицах и хуторах Области войска Донского обычно-правовых представлений об «отношениях власти и подчинения».

В этот период времени в большинстве станиц и хуторов Области войска Донского казаки жаловались на своих станичных и хуторских атаманов, а также других должностных лиц станичного правления, и лишь в немногих станицах и хуторах граждане с похвалой и одобрением отзывались об их деятельности. Их обвиняли во взяточничестве, пьянстве, несправедливости, кумовстве и пр. [37. С. 296]. В оправдание своей ошибки при выборах органов территориального общественного самоуправления «казаки обыкновенно приводили то обстоятельство, что ранее получения должности данная личность «не выказывала наружу своего нрава». Говорят, что характер отношения атамана к своему делу во многом зависит от того, получает ли он от общества жалованье, а также и от размеров последнего. Во многих станицах атаманы и прочие должностные лица получают весьма незначительное вознаграждение, почему от них и требовать нельзя рдения к общественным делам. Иногда жалованье определяется обществом, но по несколько лет не дается».

В регулировании указанной группы общественных отношений наблюдается большая вариативность норм обычного права. Например, в станице Старочеркасской станичный атаман получал годовое жалование в размере 800 руб., его помощники получали по 300 руб., а казначей — 120 руб. [21]. В станице Петровской судьи и хуторские атаманы получали вознаграждение, тогда как в большинстве станиц Донской области эти лица вообще не получали за свою службу вознаграждения из общественных сумм. Причем хуторские атаманы могли получать от 35 до 125 руб. в год, а станичные судьи только по 18 рублей.

В станице Распопинской граждане на сходе установили следующее жалование: станичному атаману — 200 руб., его помощникам — по 100 руб. Из-

бранный на текущее трехлетие атаман, вследствие недостаточности содержания, отказался от должности, не прослужив и двух лет. Из семи кандидатов, предложенных в атаманы на будущее трехлетие, двое «покорнейше поблагодарили за честь сию» и отказались от дальнейшего участия в выборах, а один вообще не прибыл на сход. При этом казаки говорили: «Нам а бы б по сходнее, а то все равно, что не поп, то и батька, а копеечка годится про черный день» [11].

Подтверждением сказанного может служить и приговор граждан станицы Гниловской, в котором говорится о том, что «1860 года июля дня Войска Донского в Гниловском станичном правлении слушали словесную просьбу казака Федора Задерина что он должность приказного (хуторского атамана — С.К.) в хуторе Недвиговском по имеющейся у него болезни и растрейству по хозяйству не может продолжать оной, а потому положили: согласно просьбе казака Федора Задерина и объясненных в оной причин по служению его в этой должности более года, уволить от упомянутой должности, а вместо него определить жительствовавшего в том же хуторе отставного казака Наума Зарецкого трезвого и хорошего поведения» [4].

«Бывает, что атаманам и прочим должностным лицам вместо денежного жалования общество дает несколько сенокосных паев или степных озер в исключительное пользование. Случается нередко вознаграждение казаками. В распоряжении должностного лица общество отдает двух, трех и более казаков из числа отбывающих сиденочную повинность. Он имеет право заставить их работать на себя. Но чаще такие казаки платят ему деньгами и освобождаются от несения повинностей натурой. Таким способом вознаграждаются, например, атаманы пяти хуторов при Тепикинской станице. Случается, что общественные должности исполняются без всякого особого вознаграждения «за внутреннюю службу» [37. С. 297]. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. в донских казачьих общинах одновременно действовали как традиционные, так и вырабатываемые на их основе новые нормы обычного права, т.е. различные по времени происхождения, направленности действия, содержания и т.п. Так, в станице Клетской станичный атаман получал кроме денежного жалования еще и несколько паев в исключительное пользование. Так поступали и другие общества, чтобы привлечь к себе на службу «честных и даровитых граждан» [11]. Подобное наблюдалось и при назначении денежного вознаграждения станичным писарям, служившим в станичных правлениях.

«Казаки наши имеют особенную привычку определять жалование писарю не больше того, что получают сами на полевой службе. Такое обыкновение вошло в обычай с того времени, когда должность станичного писаря вменялась ему за службу и когда он, несчастный, обязан был, согласно Положения 1835 года, тянуть эту ляжку в течении тридцати лет, то есть за всю полевую и внутреннюю службу; причем жалованье чередовалось через каждые три года, то есть каждые три года получал он оное (в средних станицах 60 руб. в год, в малых меньше, в больших больше), а следующие три года служил без жалования. Любя придерживаться во всем старины, станичники и до сих пор, несмотря на

переменившиеся условия жизни, весьма неохотно набавляют писарю что-либо свыше 60 руб. в год. Между тем ни один из них (казаков), имеющих порядочное хозяйство, как бы прост и неграмотен не был, не согласится произвольно бросить свой дом со всем хозяйством и наняться куда-либо за такое малое жалованье, какое назначают писарю. За такую цену нанимаются из них разве некоторые из беднейших, по нужде: по случаю упадка собственного хозяйства за службою или каким-либо несчастьем, нередко же и по собственному нерадению. И так, в числе этих последних горемык в большей части станицы состоят и считаются станичные писаря, а также и некоторые из других должностных лиц в станице, между тем, как они, по видному своему месту или посту в обществах, должны бы считаться людьми передовыми между станичниками» [40].

О традиционном характере норм обычного права, регулирующих вопросы назначения жалования органам территориального общественного самоуправления, говорит и Выпись из приходо-расходной книги Средней станицы за 1748–1750 гг. В ней была сделана следующая запись: «1749 года марта 21-го дня при сборе станицы была станичному расходу заплата денежная, а именно: казаку Дмитрию Появихину за згонку по рыболовным станам в Черкасской казаков, дано 50 копеек. Станичному есаулу (помощнику атамана — С.К.) Василию Мерину годовое дано 10 рублей за труд его. Станичному писарю Федору Аникееву за последнюю половину года дано 5 рублей. Станичному топиле (истопнику. — С.К.) Ивану Болдыреву годовое дано 3 рубля за труд его» [32. С. 142].

Этот пример показателен в двух аспектах.

Во-первых, в середине XVIII в. размер жалованья у помощника станичного атамана и у станичного писаря был одинаковым, а, во-вторых, размер жалования работника (истопника) был чуть ниже, чем у указанных должностных лиц.

На наш взгляд, это можно объяснить действовавшими в этот период времени нормами обычного права, которые являлись прямым выражением господствовавших в донских казачьих общинах обычно-правовыми представлениями об «отношениях власти и подчинения». О том, насколько сильно изменились эти представления во второй половине XIX в., могут свидетельствовать следующие примеры.

«Нельзя думать, чтобы станичники наши были слишком щедры в расходах: на полном сходе, бывшем минувшего сентября (1873 г. — С.К.) по случаю выборов кандидатов на должность станичного атамана, жалованье служащим по станичному управлению положено было следующее: атаману — 150 рублей, помощнику атамана — 75 рублей, казначею — 25 рублей, писарям по 50 рублей. Какое ничтожное вознаграждение... От некоторых своих станичников мы слышали такого рода рассуждения: «у иного хозяина, говорят они, работник получает 150 рублей, а у нас атаман — хозяин станицы, будет получать то же самое». И трудно еще пробиться справедливому убеждению в необходимости, насколько это возможно, предоставлять все выгоды для своих станичных правителей, дабы привлечь на этот пост людей, способных разумно управлять общественным хозяйством. Станичников, рассуждающих таким образом, найдется

у нас немного. Мы видели немало примеров подобного явления и по другим станицам; всему этому одна причина — равнодушное отношение общества к роли своих станичных деятелей. С введением самоуправления, общества станиц действуют в сфере своих станичных дел в том направлении, к какому они более склонны, а потому, очень может быть, что звание станичного атамана, пользующееся в станицах большим почетом со временем не будет привлекать на эту почетную должность лучших людей из круга станичных обществ. В наступающем году жалование будет уменьшено более чем на половину» [23].

«Незначительность жалованья станичным правителям происходит не из экономических побуждений казачьих обществ, а из признанной опытом невозможности контролировать атаманов, имеющих возможность удесятить свое жалованье» [27]. В то же время «...многие станичники ходят с повязкой на глазах, придерживаясь старой рутине и вере в непогрешимость станичного атамана, на которого возложены заботы руководить массы в исполнение общественных обязанностей и заботиться о благосостоянии станицы и о ее нуждах» [13].

На первый взгляд может показаться, что господствовавшие во второй половине XIX в. в донских казачьих общинах обычно-правовые представления об «отношениях власти и подчинения» являются противоречивыми и взаимоисключающими друг друга. Однако подобный вывод о непонимании донскими казаками сущности и содержания этих отношений, на наш взгляд, является ошибочным и не соответствует действительности. Именно в этом сочетании, казалось бы, несочетаемого, то есть негативного, пренебрежительного отношения донских казаков к роли и деятельности органов территориального общественного самоуправления, и прежде всего станичных атаманов, с положительным отношением, которое выражалось в том, что должность станичного атамана пользовалась особым уважением, и заключалось своеобразие обычно-правового регулирования указанных «публичных» отношений.

Об этом своеобразии можно судить по тем обычно-правовым представлениям об «отношениях власти и подчинения», которые господствовали в донских казачьих общинах в старину. «Все зависело от воли всего общества. Но «без столба и забор не стоит, без перевясла и веник разсыпается», говорили граждане и, потому, для уряда и распоряжения общественными делами, они избирали из среды своей атамана и есаула. Атаман был главное лицо, есаул — помощник. Живя дома в своем городе, станица избирала атамана и есаула станичных; отправляясь в поход против неприятеля — походных; для какой-либо встречи (например: послов) — встречных; для звериного и рыбного промысла — ватажных и прочее. Станичный атаман и есаул избирались на год, а все остальные до окончания предприятия. Атаман делался полновластным, самым неограниченным повелителем как избравших, так и всех тех, которые после вступали в избравшее их общество... Впрочем, атаман хотя «наперед стоял, уряд держал», но был вполне ответственен перед обществом своих подчиненных. За оплошность и нанесение вреда общественному делу он мог по окончании предприятия быть подвергнут суду, как всякий другой гражданин» [33. С. 140]. В

«Чернышевской станице старики говорили, что русские офицеры, сталкиваясь с казаками в старину, дивились глядя как последние наказывали за проступки розгами своих же собственных атаманов, а во время дела подчинялись им беспрекословно» [37. С. 284]. «В наказе в Кумылженскую станицу 1723 г. июля ... дня читаем: «Многократно есть по городкам войсковое предложение, чтобы казаки своих выборных годовых станичных атаманов почитали б и за них стояли, а ныне многие атаманы жалются, что многим от казаков отправляется непочтение, но явное ругательство... почему и напоминается воздавать атаманам подобающую честь, как воздаецца командирам, а кому из казаков предвидитца напрасныя от атамана ссоры просил бы сюда тогда, когда он, атаман, атаманство свое сдает, и тем казакам позволяется на атамана жалиться» [14. С. 175–176].

Приведенные нами примеры с достаточной степенью убедительности показывают, что обычно-правовые представления об «отношениях власти и подчинения» у донских казаков во второй половине XIX в. в своей основе мало чем отличались от подобных представлений, характерных для донских казаков в XVIII в., то есть являлись традиционными. Влияние официального законодательства в регулировании указанных отношений было в большинстве случаев незначительным и затрагивало скорее их форму, чем содержание.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *А-ов. Иф.* Из станицы Каменской // Донские областные ведомости. — 1879. — № 80.
- [2] *Броневский В.Б.* История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. — СПб., 1834.
- [3] *Ветров М.* Станица Раздорская на Медведице // Донские областные ведомости. — 1880. — № 61.
- [4] ГАРО. — Ф. 338. — Оп. 2. — Д. 1332. — Л.Д. 167.
- [5] *Гражданин.* О сиротском достоянии в станицах // Донская газета. — 1875. — № 88.
- [6] Из Усть-Медведицы // Донские областные ведомости. — 1880. — № 36.
- [7] Иловлинская станица // Донской голос. — 1883. — № 11.
- [8] Историко-статистическое описание Гундоровской станицы области Войска Донского // Донской голос. — 1880. — № 95.
- [9] *Казмин А.* Обычные суды в хуторах Донской области // Этнографическое обозрение. — 1891. — № 3. — Кн. X. — С. 107–143.
- [10] *Казмин А.* Частные и общественные гульбища на Дону // Этнографическое обозрение. — 1889. — Кн. 3. — С. 1–12.
- [11] *Каменнов В.* Из Распопинской станицы // Донские областные ведомости. — 1874. — № 2.
- [12] *Кательников Е.* Исторические сведения Войска Донского о Верхнекурмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года, декабрь 31 дня. — Новочеркасск, 1886.
- [13] *Киевский И.* Наши станичные общества // Донская газета. — 1876. — № 38.
- [14] *Кириллов А.А.* Станичные право на Дону // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. — 1908. — Вып. 8. — С. 173–178.
- [15] *Краснов С.Ю.* Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование имущественных отношений. — Волгоград, 2010.
- [16] *М.К.* По области. Станица Нижне-Чирская // Приазовский край. — 1897. — № 231.

- [17] Наши станичные правители // Донская газета. — 1877. — № 54.
- [18] Незлобивые рассуждения // Донской голос. — 1882. — № 46.
- [19] Не казак. К вопросу о нежелании казаков принять земские учреждения // Донской голос. — 1880. — № 34.
- [20] Никулин П. Заметки проезжего // Донская газета. — 1877. — № 33.
- [21] Описание станицы Старочеркасской // Донские областные ведомости. — 1875. — № 32.
- [22] Павловский. Станичные этюды // Донской голос. — 1881. — № 24.
- [23] П...вь. Из станицы Л... // Донские областные ведомости. — 1874. — № 1.
- [24] Положение об управлении Донского войска от 26 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской Империи: Сб. 2. — Т. 10. — Д. 8163.
- [25] Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1874 г. — Екатеринодар, 1873.
- [26] Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г. // Сборник узаконенных и распоряжений Правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Области Войска Донского, об их управлении и о поземельном устройстве / Сост. А.Ф. Мишарев. Издание второе, исправленное и дополненное по узаконениям, обнаруженным по 1912 г. — Новочеркасск, 1913.
- [27] Попов Е. Земское недоразумение на Дону // Донской голос. — 1881. — № 87.
- [28] П.С. Несколько слов по поводу корреспонденции «Из Качалина» // Донские областные ведомости. — 1879. — № 100.
- [29] С.Д. Из Старочеркаска // Донские областные ведомости. — 1878. — № 44.
- [30] С-ъ. П. Из станицы // Донские областные ведомости. — 1879. — № 41.
- [31] Струков И. Исторические эскизы (По истории войска Донского) // Донской голос. — 1881. — № 91.
- [32] Сулин И. Акты, относящиеся к бытовой истории донских казаков // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. — Новочеркасск, 1904. — Вып. 4. — С. 140–146.
- [33] Тимоценков И.В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. — Новочеркасск, 1874. — Вып. 2. — С. 139–181.
- [34] Тимоценков И. Станица Кременская (Усть-Медведицкий округ) // Приазовский край. — 1899. — № 39.
- [35] Тимоценков И. Станица Петровская. // Приазовский край. — 1898. — № 223.
- [36] Упорников И. Несколько слов относительно юртового леса в Мигулинской станице // Донские областные ведомости. — 1880. — № 84.
- [37] Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. — М., 1885. — Вып. 1.
- [38] Хутор Веселый (Черкасский округ) // Приазовский край. — 1898. — № 275.
- [39] Эн-де. По болотам (Из заметок проезжего) // Донской голос. — 1880. — № 54.
- [40] Я.А. Еще несколько слов о писарях // Донские областные ведомости. — 1879. — № 100.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN POWER
AND SUBORDINATION IN THE CUSTOMARY LAW
CONCEPTIONS OF DON COSSACKS IN THE SECOND PART
OF THE 19TH CENTURY**

S.Yu. Krasnov

The Department of Civil Law and Procedure
Volgograd State University
100, University av., Volgograd, Russia, 400062

The article «The relationship between power and subordination in the customary law conceptions of Don Cossacks in the second part of the 19th century». The article deals with the relationship among Don Cossacks, their stanitsa atamans and other officials of the territorial public autonomous bodies, as well as the responsibility of these people before stanitsa communities (gatherings), that is, ultima analysi, it deals with the customary law understanding of power by Don Cossacks in the second part of the 19th century.

Key words: customary law, Don Cossacks, territorial public autonomous bodies.